

№ 1140 —

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XIV

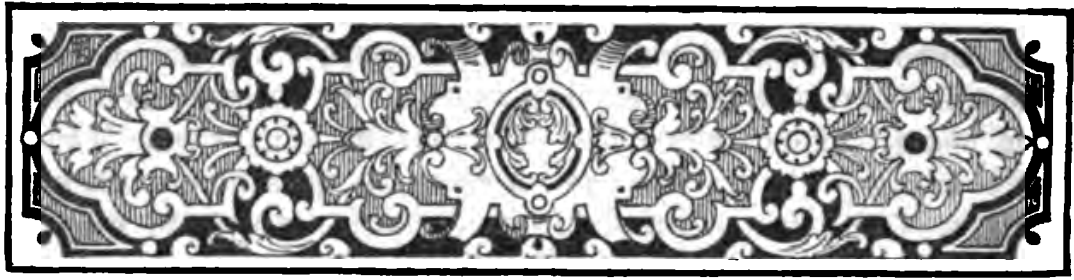
1883

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1883

ОДИНЪ ИЗЪ СУЗДАЛЬСКИХЪ УЗНИКОВЪ.

Очеркъ изъ новѣйшей исторіи раскола.

ЛЕСЯТЫЙ параграфъ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, 3 мая 1883 года, «О дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ»—гласитъ: «уставщики, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаются за сіе преслѣдованію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они окажутся виновными въ распространеніи своихъ заблужденій между православными»... И хотя далѣе слѣдуютъ оговорки, что «за означенными лицами не признается духовнаго сана или званія» и что они «въ отношеніи къ правамъ состоянія считаются принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ состоятъ»,—но, конечно, для каждаго ясно, что оговорки эти не ослабляютъ того главнаго положенія, въ силу котораго отнынѣ должны прекратиться всякаго рода преслѣдованія и гоненія противъ лицъ, исправляющихъ у сектантовъ духовныя требы, будутъ ли это священники и епископы «австрійскаго по-ставленія», безпоповщинскіе старцы и старицы, или-же молоканскіе пресвитеры.

Такимъ образомъ, закономъ 3-го мая положенъ конецъ всѣмъ тѣмъ безчисленнымъ стѣсненіямъ, придиркамъ и преслѣдованіямъ, которыя до сихъ поръ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практиковались мѣстными властями по отношенію къ лицамъ, игравшимъ у сектантовъ роль наставниковъ, священниковъ, уставщиковъ, пресвитеровъ и т. п. Еще недавно эти лица извѣстны были у мѣст-

ныхъ властей не иначе какъ подъ именемъ «вожаковъ» и «ководовъ раскола» и пользовались репутаціею самыхъ опасныхъ и вредныхъ людей; за ними учреждался самый строгій надзоръ, ихъ жилища то и дѣло подвергались набѣгамъ и обыскамъ, при чемъ отъ нихъ тщательно отбирались всѣ принадлежности богослуженія; рѣдкій изъ нихъ не побывалъ въ тюрьмѣ, подъ судомъ или арестомъ, за совершеніе духовныхъ требъ въ родѣ крестинъ, похоронъ и т. п.

Теперь всѣ подобнаго рода преслѣдованія сдѣлаются уже не возможными, такъ какъ новымъ закономъ прямо и категорически разрѣшается сектантамъ «творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ»... (§ 5-й).

И такъ, отнынѣ, благодаря гуманному закону 3-го мая, всѣ эти гоненія и преслѣдованія отходятъ въ область прошедшаго и такимъ образомъ становятся достояніемъ исторіи. Предлагаемый вниманию читателей очеркъ знакомитъ съ тѣми условіями, которыми обставлено было у насъ положеніе старообрядцевъ и ихъ духовныхъ наставниковъ до закона 3-го мая. Въ настоящее время, конечно, уже не возможны тѣ печальныя и прискорбныя явленія, съ какими мы то и дѣло встрѣчаемся въ этомъ очеркѣ. •

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ отворились тюремныя врата суздальской монастырской крѣпости и изъ нихъ вышли на волю три престарѣлыхъ узника, долгіе годы томившіеся въ суровомъ заточеніи монастырскаго каземата. Читатель, конечно догадывается, что мы говоримъ объ освобожденіи трехъ старообрядческихъ епископовъ — Аркадія, Геннадія и Конона. Не забылъ, вѣроятно, читатель и того горячаго энтузіазма, съ какимъ вся наша печать, съ рѣдкимъ, почти небывалымъ единодушіемъ, привѣтствовала это освобожденіе, какъ отрадный «актъ гуманности», «актъ милосердія».

Печальная участь этихъ узниковъ, ихъ замѣчательная нравственная стойкость, обнаруженная ими во время продолжительнаго тюремнаго заключенія — все это невольно вызывало въ обществѣ живой, горячій интересъ къ судьбѣ этихъ лицъ. Къ сожалѣнію, наша печать не могла въ то время удовлетворить этому запросу и газеты сообщили лишь самыя краткія, самыя отрывочныя и скудныя свѣдѣнія какъ о прошломъ «лже-епископовъ», такъ и о тѣхъ условіяхъ и причинахъ, которыя привели ихъ въ монастырскую тюрьму.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность хотя отчасти пополнить этотъ пробѣлъ и познакомить читающую публику съ обстоятельствами и ходомъ дѣла, результатомъ котораго явилось тюремное заточеніе одного изъ этихъ узниковъ — «лжеепископа Ген-

надія», а также сообщить болѣе крупныя черты изъ жизни и дѣятельности этого «ревнителя древняго благочестія».

Очеркъ этотъ, будучи составленъ на основаніи актовъ и данныхъ, извлеченныхъ изъ подлинныхъ дѣлъ, даетъ, какъ намъ кажется, довольно яркую, полную и притомъ, что особенно важно, безусловно-правдивую картину тѣхъ общественныхъ условій, среди которыхъ еще весьма недавно, на памяти у всѣхъ, жила значительная часть русскаго народа, издавна получившая кличку «старообрядцевъ-раскольниковъ». Насколько эти условія измѣнились съ тѣхъ поръ въ лучшему—пусть судятъ сами читатели.

I.

Тайнственный путешественникъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1861 года, епископъ уфимскій увѣдомилъ оренбургскаго военнаго губернатора, что черезъ Златоустовскій и Миасскій заводы тайно проѣзжалъ «раскольническій епископъ Геннадій» и совершалъ богослуженіе въ скитѣ, находящемся въ гѣсахъ на восточной сторонѣ Уральскаго хребта, между деревнями Тургояскаго и Куштумгинскаго. Въ этомъ скитѣ, какъ дознало духовное начальство, Геннадій освящалъ старообрядческую походную церковь и посвящалъ въ священники живописца крестьянина Ксенофонта Вяхирева, проживавшаго въ Катавъ-Ивановскомъ заводѣ.

Въ виду этого, уфимскій епископъ настоятельно просилъ губернатора немедленно же принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ поимкѣ Геннадія. При этомъ онъ сообщалъ, что «лже-епископъ Геннадій не имѣетъ постояннаго пребыванія ни въ Миасскомъ, ни въ другихъ Златоустовскихъ заводахъ, но что онъ болѣею частію находится въ Екатеринбургѣ и Тюмени и въ разѣздахъ по Оренбургской, Пермской и Тобольской губерніямъ, завѣдуя, по назначенію своихъ сообщниковъ, тайною раскольническою сибирскою епархіей».

Такое же точно «сообщеніе» отправлено было уфимскимъ епископомъ и главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта генералу Фелькнеру.

И вотъ закипѣло дѣло. Нужно замѣтить, что мѣстныя власти на Уралѣ давно уже знали о существованіи лже-епископа Геннадія, давно уже до нихъ доходили смутныя, неясныя слухи, что по заводамъ и селамъ уральскимъ тайно разѣзжаетъ раскольническій епископъ, который ставитъ поповъ и монаховъ, исполняетъ требы, освящаетъ церкви, совершаетъ богослуженія и т. д. Давно уже отданъ былъ приказъ о поимкѣ Геннадія, давно уже полиція стара

лась напасть на слѣды лже-епископа, но до сихъ подъ онъ необыкновенно ловко и искусно увертывался отъ рукъ властей.

Поэтому, какъ только оренбургскій губернаторъ получилъ сообщеніе уфимскаго епископа о появленіи Геннадія въ Златоустовскихъ заводахъ, онъ тотчасъ же поспѣшилъ снестись объ этомъ съ пермскимъ и тобольскимъ губернаторами, а тѣ, въ свою очередь, немедленно снесли съ главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ.

Въ то же время ко всѣмъ исправникамъ полетѣли «секретныя» предписанія о поимкѣ раскольническаго епископа, а отъ исправниковъ такія же точно предписанія «съ нарочными» понесли къ становымъ приставамъ. И вотъ снова повсюду начались рьяные, энергическіе поиски «лже-епископа».

Исправники вели особыя «памятныя записки» или дневники, въ которые они заносили всѣ свои наблюденія за дѣйствіями Геннадія. Они обязаны были строго слѣдить за тѣми изъ мѣстныхъ старообрядцевъ, у которыхъ происходили частыя собранія, богомоленія и т. п. Въ то время не существовало еще урядниковъ, поэтому въ селахъ и деревняхъ поимка Геннадія была возложена исправниками на «особо-избранныхъ людей», главнымъ образомъ на волостныхъ и сельскихъ писарей, которые обязаны были зорко слѣдить за всѣми прїѣзжими и вновь появляющимися лицами.

Однако время шло, а Геннадій не попадался. Исправники аккуратно доносили, что, «несмотря на всевозможныя мѣры, принятыя ими къ поимкѣ раскольническаго лже-епископа Геннадія, такового во ввѣренномъ имъ уѣздѣ не оказалось»- Такъ прошло полгода, прежде чѣмъ полиціи снова удалось напасть на слѣды лже-епископа.

Въ концѣ мая 1862 года, черезъ село Бѣлоярское (Екатеринбургскаго уѣзда) проѣзжалъ какой-то неизвѣстный человѣкъ. Такъ какъ онъ проѣзжалъ «на сдаточныхъ лошадяхъ въ подрывъ вольной почтѣ», то станціонный смотритель Бѣлоярской станціи, Пилецкій, остановилъ его и потребовалъ отъ него видъ, по которому тотъ проѣзжалъ. У «неизвѣстнаго человѣка» не оказалось ни вида, ни паспорта. Это возбудило подозрѣніе въ Пилецкомъ; онъ наотрѣвъ отказалъ незнакомцу въ лошадяхъ и грозилъ донести о немъ по начальству.

Положеніе проѣзжаго незнакомца было весьма критическое, тѣмъ не менѣе онъ ни мало не потерялся. Неизвѣстно какимъ образомъ, о происшествіи на станціи узнаетъ одинъ изъ мѣстныхъ раскольниковъ, крестьянинъ Бѣлоярской волости, Тимошей Чуваковъ, и немедленно является къ Пилецкому. И вотъ, благодаря «содѣйствію Чувакова», смотритель Пилецкій соглашается отпустить таинственнаго незнакомца, за что и получаетъ тридцать рублей денегъ. А незнакомецъ получаетъ лошадей и ѣдетъ далѣе, но уже не одинъ, а въ сопровожденіи «раскольника» Чувакова.

Объ этомъ узнаетъ волостной писарь Бѣлоярской волости, Федотовскій, принадлежавшій къ числу тѣхъ «особо-избранныхъ людей», на обязанности которыхъ лежало способствовать поимкѣ Геннадія. Услыхавъ о происшествіи на станціи и сообразивъ, что «тутъ дѣло не ладно», Федотовскій немедленно же отправился въ погоню за «неизвѣстнымъ человѣкомъ».

Однако, всѣ его поиски не привели ни къ чему: таинственный путешественникъ исчезъ безслѣдно, словно въ воду канулъ. «Вѣроятно Чуваковъ,—догадывался впоследствии писарь,—замѣтивъ за собою преслѣдованіе и пользуясь темнотою ночи, успѣлъ скрыть неизвѣстнаго человѣка». При всемъ этомъ писарь былъ совершенно убѣжденъ, что скрывшійся неизвѣстный человѣкъ былъ не кто другой, какъ именно раскольничій епископъ Геннадій.

Это же самое убѣжденіе раздѣлялъ и екатеринбургскій земскій исправникъ, который 29-го мая получилъ подробное донесеніе по этому поводу отъ мѣстнаго становаго пристава. «Надобно полагать, что это былъ Геннадій», — пишетъ исправникъ въ рапортѣ своемъ губернатору. И вотъ онъ поручаетъ становому приставу «произвести строжайшее формальное слѣдствіе надъ станціоннымъ смотрителемъ Пилецкимъ и государственнымъ крестьяниномъ Чуваковымъ, при участіи депутатовъ какъ со стороны почтоваго вѣдомства, такъ и управленія государственными имуществами».

При слѣдствіи, смотритель Пилецкій и раскольникъ Чуваковъ «силовились доказать», что проѣзжій былъ кунгурскій мѣщанинъ Федоръ Григорьевъ, фамиліи котораго они не знаютъ. Но эти увѣренія ни кого не убѣдили и исправникъ по-прежнему остался при мнѣніи, что скрывшійся незнакомецъ «непремѣнно долженъ быть лже-епископъ Геннадій». Онъ сожалѣлъ, что поздно узналъ о проѣздѣ подозрительной личности и потому не могъ принять личнаго участія въ преслѣдованіи.

Въ рапортѣ своемъ губернатору, исправникъ, сообщая, что Геннадій часто ѣздитъ по вольной почтѣ, жалуется на станціонныхъ смотрителей, которые свободно даютъ лошадей всякому проѣзжему; по его словамъ, это даетъ полную возможность разнымъ подозрительнымъ личностямъ ускользать отъ преслѣдованій полиціи. Онъ проситъ губернатора снести съ губернской почтовою конторой и при ея содѣйствіи обязать всѣхъ станціонныхъ смотрителей — въ случаѣ проѣзда Геннадія, немедленно задержать его. Но распоряженіе это, заботливо прибавляетъ исправникъ, — станціонные смотрителя должны держать въ строжайшемъ секретѣ.

Убѣжденный этими доводами, губернаторъ сносится съ губернской почтовою конторой, которая и обязываетъ станціонныхъ смотрителей слѣдить за появленіемъ подозрительныхъ лицъ и, въ случаѣ проѣзда «лже-епископа Геннадія», немедленно задержать его.

II

Арестъ.

Проходитъ еще полгода, а о Геннадіи, какъ говорится, ни слуху ни духу. Какъ вдругъ, 7-го декабря 1862 года, въ Перми получается такая телеграмма: «Пермь. Военному губернатору — въ Екатеринбургѣ взять мною лже-епископъ Геннадій. Екатеринбургскій полицеймейстеръ Пестеревъ».

По полученіи телеграммы, губернаторъ тотчасъ же телеграфируетъ объ арестѣ Геннадія министру внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ отправляется телеграмма Пестереву такого содержанія: «Екатеринбургъ. Полицеймейстеру.—Душевно благодарю, Геннадія обыщите, посадите подѣ строжайшій карауль, чтобы не ушелъ. Возьмите его грамоту. О послѣдующемъ увѣдомьте. — Лошкаревъ».

Это тотъ самый г. Лошкаревъ, который недавно получилъ такую громкую и въ то же время такую печальную извѣстность въ качествѣ главнаго участника и покровителя разныхъ болѣе чѣмъ некрасивыхъ дѣяній бывшаго минскаго губернатора г. Токарева. Занимая въ послѣднее время должность члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, генералъ-лейтенантъ Лошкаревъ, какъ воочію доказалъ недавній процессъ, оказывалъ огромное содѣйствіе своимъ вліяніемъ успѣху разныхъ затѣй г. Токарева. Нашъ очеркъ застаетъ г. Лошкарева на постѣ пермскаго военнаго губернатора.

Вслѣдъ за телеграммой было получено отъ полицеймейстера Пестерева донесеніе, сообщавшее подробности ареста Геннадія. Въ началѣ донесенія полицеймейстеръ упоминаетъ о своихъ трудахъ, понесенныхъ имъ въ дѣлѣ поисковъ и выслѣживанія за Геннадіемъ. «Мною,—пишетъ онъ,—были принимаемы всевозможныя мѣры и способы къ поимкѣ лже-епископа Геннадія, но всѣ они долгое время оставались безъ успѣха. Наконецъ 5-го декабря Геннадій пойманъ въ домѣ проживающаго въ Екатеринбургѣ колыванскаго купца Чувакова. вмѣстѣ съ нимъ взяты временно-обязанный крестьянинъ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, деревни Сергѣевой, Ксенофонтъ Макаровъ Вяхиревъ, показавшій себя священникомъ».

При обыскѣ у Геннадія найдена была ставленная грамота, данная на имя «Геннадія, епископа пермскаго», за подписью «Антонія, архіепископа Владимірскаго и всея Россіи»; кромѣ того на немъ оказалась: наплечная мантия, камилавка и на шеѣ кипарисный крестъ на шнурикѣ, вмѣстѣ съ особымъ бархатнымъ значкомъ, на которомъ шелками и золотомъ вышито изображеніе креста. При Вяхиревѣ взята вмѣстѣ съ паспортомъ ставленная грамота, за подписомъ епископа Геннадія, на чинъ священника Ксенофонта.

Домъ Чувакова былъ подвергнутъ самому тщательному обыску и осмотру; но при этомъ найдено было лишь нѣсколько книгъ и напрестольная пелена, другихъ же вещей, относящихся до богослуженія, не оказалось. Уже послѣ ареста Геннадія, на улицѣ, неподалеку отъ дома Чувакова, найденъ былъ узелъ и въ немъ оказалась «шелковая соборная архіерейская мантия, которую Геннадій призналъ за принадлежащую ему».

Что касается наружности или, какъ выражается донесеніе, «примѣтъ» лже-епископа, то полицеймейстеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ его: «Геннадію 38 лѣтъ отъ роду, росту онъ 2 арш. 4 верш., лицо имѣетъ чистое, мускуловатое, сухощавъ, глаза сѣрые, впалые, носъ небольшой, волосы темнорусые, усы и борода рыжеватые».

«Примѣты эти,—прибавляетъ Пестеревъ, вполне подходятъ подъ описаніе наружности Геннадія», и вслѣдъ затѣмъ онъ заканчиваетъ свой рапортъ словами «обо всемъ вышеизложенномъ произвожу строгое изслѣдованіе».

Здѣсь будетъ кстати сообщить рассказъ сына Пестерева, студента Казанскаго университета, съ которымъ намъ пришлось встрѣтиться прошлымъ лѣтомъ во время поѣздки на Уралъ, рассказъ о подробностяхъ, сопровождавшихъ арестъ Геннадія. По его словамъ, дѣло происходило такимъ образомъ:

6-го декабря 1862 года, отецъ рассказчика, екатеринбургскій полицеймейстеръ Пестеревъ, встрѣтилъ на улицѣ неизвѣстнаго ему человѣка, который, остановившись, сказалъ ему:

— Если вы хотите захватить Геннадія, то ступайте въ домъ купца Чувакова,—онъ отправляетъ тамъ богослуженіе... Подойдите къ двери и постучитесь, а когда васъ спросятъ: «кто такой?»—то отвѣчайте такъ: «Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Свой». Тогда вамъ отворять.

Г. Пестеревъ такъ и сдѣлалъ. Подходя къ дому Чувакова, онъ замѣтилъ, что на углу стоитъ караульный, который поглядываетъ по сторонамъ, нѣтъ ли опасности. Полицеймейстеръ неожиданно бросился на него, но онъ рванулся и пустился было бѣжать; однако г. Пестеревъ схватилъ его и остановилъ. Караульный закричалъ.

— Только пикни!—сказалъ полицеймейстеръ,—я тебѣ всѣ кишки вышущу!

Оставивъ караульнаго солдатамъ, которые слѣдовали за нимъ, г. Пестеревъ отправился въ домъ. Постучался. «Кто такой?»—спрашиваютъ изнутри, не отворяя дверей. Полицеймейстеръ прочелъ «Господи Иисусе» и прибавилъ «свой». Тогда дверь полуотворилась, но затѣмъ тотчасъ же снова была захлопнута. Дѣло въ томъ, что г. Пестеревъ забылъ переменить форменную фуражку, поэтому раскольники, какъ только увидели его кокарду, тотчасъ же быстро

захлопнули дверь. Разумѣется, это ни къ чему не повело,—полиція силой вломилась въ домъ.

Арестованный вмѣстѣ съ Геннадіемъ въ домѣ Чувакова «лже-священникъ» Ксенофонтъ Вяхиревъ показалъ, что онъ долгое время проживалъ въ Катавъ-Ивановскомъ заводѣ, Уфимскаго уѣзда, въ домѣ временно-обязаннаго крестьянина Павла Киселева. Здѣсь «общество единомышленниковъ» сдѣлало ему предложеніе быть у нихъ священникомъ и онъ изъявилъ на это свое согласіе.

Тогда епископъ Геннадій, въ февралѣ 1861 года, рукоположилъ его сначала въ діаконы, а потомъ и во священники. Обрядъ посвященія былъ совершенъ въ кельѣ, находящейся въ лѣсахъ, близъ горы Юрмы, около Златоустовскаго завода. Съ этого времени Ксенофонтъ Вяхиревъ носитъ санъ священника, на который ему выдана ставленная грамота за подписью епископа Геннадія. По праву священника, онъ постоянно совершаетъ у своихъ прихожанъ всѣ требы: крестить, «каеть», хоронить и т. п. Въ Екатеринбургѣ онъ прибылъ вслѣдствіе вызова епископа Геннадія, который прислалъ къ нему письмо съ предложеніемъ явиться въ Екатеринбургъ, но вскорѣ по прибытіи его туда онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Геннадіемъ.

Кромѣ Вяхирева, въ домѣ Чувакова, вмѣстѣ съ Геннадіемъ, былъ арестованъ еще «лже-иподіаконъ» Василій Ивановъ Кульковъ. Будучи призванъ къ допросу, Кульковъ объяснилъ, что онъ—старообрядецъ, сынъ уволеннаго отъ обязательной службы мастераго Міасскаго завода. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Екатеринбургъ съ цѣлью пріисканія мѣста и вступленія въ бракъ съ «избранною невѣстой». 11-го ноября, въ домѣ купца Михаила Ушкава, онъ былъ «свѣнчанъ» по обряду старообрядческому съ «работническою дочерью» Авдотьею Черепановой. Обрядъ бракосочетанія совершалъ епископъ Геннадій; по окончаніи «свѣнчанія» Кульковъ былъ поставленъ Геннадіемъ въ «иподіаконы».

III.

Секретный совѣщательный комитетъ.

Едва успѣлъ совершиться арестъ Геннадія, какъ по Екатеринбургѣ начали ходить слухи, которые набрасывали невыгодную тѣнь на дѣйствія лицъ, производившихъ этотъ арестъ. Городская молва указывала на какія-то злоупотребленія, будто бы допущенныя при арестѣ лже-епископа; произносилось страшное слово взятка; въ довершеніе всего выражалась твердая увѣренность, что Геннадій непременно уйдетъ изъ-подъ ареста.

Слухи эти скоро перешли въ Пермь; здѣсь они не могли, разумѣется, не встревожить мѣстнаго начальства и, главнымъ образомъ, членовъ секретнаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ о расколѣ. Такіе комитеты, какъ извѣстно, существовали въ то время во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ расколъ успѣлъ развиться съ особенною силой. Постоянными членами этихъ комитетовъ были: губернаторъ, архіерей, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія и нѣкоторыя другія лица изъ числа высшей губернской бюрократіи.

14-го декабря, пермскій секретный совѣщательный комитетъ собрался въ особое засѣданіе, чтобъ обсудить частныя свѣдѣнія, полученныя нѣкоторыми изъ членовъ комитета относительно обстоятельствъ, сопровождавшихъ арестъ Геннадія. По этимъ свѣдѣніямъ оказывалось, что «при поимкѣ Геннадія полиція вступила въ домъ купца Чувакова не тотчасъ, а по истеченіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе чего Геннадій, совершавшій служеніе, получилъ возможность переодѣться и такимъ образомъ не былъ накрытъ на мѣстѣ преступленія».

Далѣе выяснилось, что поимкѣ Геннадія главнымъ образомъ содѣйствовала враждебная геннадіевской «пафнутіевская партія раскольниковъ, слѣдующая другому же-епископу, Пафнутію, присланному будто изъ Москвы на смѣну Геннадію». Такимъ образомъ въ перспективѣ всплывало новое дѣло—о новомъ же-епископѣ Пафнутіи.

Съ цѣлью охарактеризовать отношеніе членовъ совѣщательнаго комитета къ дѣлу, привожу съ буквальною точностью постановленіе, состоявшееся по этому поводу въ комитетѣ 14-го декабря: «Секретный совѣщательный комитетъ, принимая во вниманіе: первое, что найденная при Геннадіи ставленная грамота отъ Антонія, называющаго себя архіепископомъ владимірскимъ и всея Россіи, указываетъ на связь съ другими губерніями, чрезъ что, при надлежащемъ развитіи, дѣло это можетъ получить государственную важность, и второе, что слѣдствію по этому дѣлу должно дать возможно-полное развитіе и быстрый ходъ, причемъ, преградивъ виновнымъ всякую возможность уклониться отъ законной отвѣтственности, отвратить всѣ могущія возникнуть попытки къ подлогамъ и извращенію истинной силы обстоятельствъ дѣла, возможныя въ дѣлахъ сего рода,—опредѣляетъ:

«Просить г. жандармскаго штабъ-офицера, подполковника Комарова, безотлагательно отправиться въ Екатеринбургъ и, принявъ во вниманіе вышеизложенныя соображенія комитета, удостовѣриться, не было ли при поимкѣ Геннадія сдѣлано какихъ-либо упущеній, правильно ли во всѣхъ отношеніяхъ производится слѣдствіе и не слѣдуетъ ли по важности онаго назначить особую слѣдственную комиссію при участіи его, полковника Комарова».

Вмѣстѣ съ этимъ, комитетъ обязалъ Комарова войти въ личныя сношенія съ главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ и вообще употребить съ своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы «настоящему дѣлу дано было полное развитіе, котораго важность онаго требуетъ». Въ особенности же онъ долженъ былъ принять мѣры къ непремѣнному отвращенію всякой возможности виновнымъ уклониться отъ заслуженнаго ими наказанія. Наконецъ, Комаровъ обязанъ былъ выяснитъ дѣло о новомъ «лже-епископѣ Пафнутіи».

Копія съ этого постановленія были представлены комитетомъ въ синодъ и министру внутреннихъ дѣлъ; затѣмъ такая же копія препровождена подполковнику Комарову «для исполненія». По полученіи ея, Комаровъ тотчасъ же входитъ съ представленіемъ къ губернатору объ отпускѣ ему 87 руб. на поѣздку въ Екатеринбургъ, а губернаторъ пишетъ объ этомъ въ казенную палату, которая немедленно же дѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ Комарову «просимой суммы».

Комаровъ уѣзжаетъ въ Екатеринбургъ, а 18-го декабря отъ него уже получается телеграмма на имя губернатора такого содержанія: «У Геннадія взято письмо московскаго раскольническаго комитета, подписанное всѣми членами. Грамоты Фелькнеръ отправилъ въ Петербургъ. Необходимо Геннадія вывезти (отсюда),—онъ уже разъ былъ подмѣненъ въ кунгурскомъ острогѣ. Онъ—мастеровой Лысвинскаго завода. Дѣло очень важное. Жду приказанія.—Комаровъ».

Въ отвѣтъ на это 22-го декабря ему была отправлена такая телеграмма: «Екатеринбургъ. Полковнику Комарову.—Ежели, по окончаніи порученія, выѣдете, примите мѣры осторожности при отправкѣ арестанта, если министръ его потребуетъ.—Лопкаревъ».

Не получивъ отвѣта на эту телеграмму, губернаторъ на другой же день, 23-го декабря, снова телеграфируетъ Комарову, на имя полицеймейстера Пестерева: «Передайте Комарову ожидать моего приказанія. Если онъ выѣхалъ, то увѣдомьте, представлено ли дѣло о Геннадіи въ судъ».

Въ отвѣтъ на это летитъ телеграмма: «Комаровъ выѣхалъ. Слѣдствіе о Геннадіи оканчивается. — Полицеймейстеръ Пестеревъ».

Но все это, какъ видно, весьма мало успокаивало губернатора. Мысль о возможности побѣга со стороны Геннадія сильно смущала г. Лопкарева и беспокойство это еще болѣе усиливалось въ немъ благодаря тому обстоятельству, что онъ, повидимому, не питалъ особеннаго довѣрія къ лицамъ, заправлявшимъ слѣдствіемъ.

Какъ на бѣду, въ это самое время отъ главнаго начальника горныхъ заводовъ, Фелькнера, получается отношеніе, которое неминуемо должно было еще болѣе усилить тревогу губернатора: «Этотъ человекъ,—писалъ Фелькнеръ о Геннадіи,—прежде сего дважды уже былъ пойманъ—сначала въ Оренбургской, а потомъ

въ Пермской губерніяхъ, а въ 1855 году онъ содержался въ пермскихъ арестантскихъ ротахъ, но всегда успѣвалъ бѣжать. Самое укрывательство его среди раскольниковъ было облечено такой тайной, что было трудно приникнуть ее, а при одномъ изъ побѣговъ, послѣ поимки его въ Кнауфскомъ заводѣ, Геннадій былъ даже подмѣненъ другимъ арестантомъ».

Въ виду подобныхъ прецедентовъ, Фелькнеръ настаивалъ на необходимости «принятія особыхъ мѣръ, чтобы Геннадій снова не скрылся». Между прочимъ, онъ предлагалъ, «по окончаніи слѣдствія надъ Геннадіемъ, содержать его въ особомъ мѣстѣ заключенія, какъ, на примѣръ, въ монастырѣ, куда было бы безопаснѣе отправить его съ жандармами». Такимъ образомъ, Фелькнеръ первый какъ бы предрѣшилъ дальнѣйшую судьбу лже-епископа.

Получивъ такое посланіе, губернаторъ начинаетъ волноваться больше прежняго, и результатомъ этого настроенія является новая телеграмма на имя полицеймейстера Пестерева (отъ 26-го декабря): «Окончивъ слѣдствіе, передайте скорѣе дѣло Геннадія въ уѣздный судъ, и какъ только онъ суду не будетъ нуженъ, привезите его въ Пермь подъ строгимъ карауломъ. Лошкаревъ».

Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла, мы уже не встрѣчаемся болѣе съ дѣятельностію секретнаго совѣщательнаго комитета; за то тѣмъ чаще встрѣчаются распоряженія, идущія прямо и непосредственно отъ начальника губерніи, г. Лошкарева.

Въ одномъ изъ своихъ представленій въ Петербургъ, губернаторъ между прочимъ писалъ: «Геннадій не отвергаетъ званія епископа, напротивъ, показываетъ, что такихъ епископовъ, какъ онъ, въ Россіи двѣнадцать и что имъ, Геннадіемъ, поставлено въ разное время 23 священника. Это указываетъ, что онъ составляетъ звено правильно устроеннаго общества, дѣйствующаго во многихъ губерніяхъ, центромъ коего г. Москва, и что общество это чувствовало себя уже въ такой степени самостоятельнымъ, что Геннадій не счелъ нужнымъ скрывать о его существованіи. А потому, чтобы слѣдствіе не осталось при исключительно мѣстномъ значеніи, я бы полагалъ полезнымъ вызвать его въ Петербургъ для дальнѣйшихъ разслѣдованій по его указаніямъ».

Помимо этого, вызовъ Геннадія въ Петербургъ, по мнѣнію губернатора, желателенъ еще потому, что вмѣстѣ съ нимъ въ значительной степени устранилась бы возможность побѣга или подмѣны Геннадія другимъ лицомъ; оставлять же Геннадія въ предѣлахъ Пермской губерніи особенно опасно въ виду явной «приверженности къ нему мѣстнаго расколическаго населенія». Г. Лошкаревъ напоминаетъ при этомъ, что Геннадій уже три раза бѣгалъ изъ-подъ стражи и укрывался отъ заслуженнаго имъ наказанія.

IV.

«Лже-попы» и «лже-монахи».

Въ числѣ лицъ, которыя относились къ дѣлу Геннадія съ особеннымъ рвеніемъ, стараясь, какъ говорится «раздуть» его и выискать возможно большее количество уликъ противъ Геннадія и его «сообщниковъ», одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта генералу Фелькнеру. Съ самаго начала слѣдствія онъ принималъ дѣятельное, горячее участіе во всемъ, что только такъ или иначе относилось къ дѣлу.

Недовѣряя мѣстнымъ властямъ, Фелькнеръ послѣшилъ отправить въ Петербургъ, къ министру финансовъ, грамоты, которыя были найдены у Геннадія при арестѣ его и которыя указывали на существованіе въ Россіи цѣлой правильно-организованной духовной старообрядческой іерархіи. Фелькнеръ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобъ открыть и дознать, изъ кого именно состоитъ эта таинственная іерархія, повсюду разсѣявшая своихъ агентовъ, и кто тѣ лица, которыя играютъ въ этой іерархіи роль епископовъ, священниковъ, монаховъ.

Обо всемъ, что только выяснилось слѣдствіемъ по вопросу объ этой «противозаконной іерархіи», Фелькнеръ тотчасъ же сообщалъ пермскому губернатору и настойчиво просилъ его распоряженій о розыскѣ и поимкѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, на которыхъ падало подозрѣніе, что они такъ или иначе участвовали въ этой «самозванной іерархіи». Послѣ первыхъ допросовъ, которымъ былъ подвергнутъ арестованный епископъ, Фелькнеръ писалъ Лопкареву: «Геннадій при допросахъ сдѣлалъ указаніе на пребываніе въ разныхъ мѣстахъ и уѣздахъ Пермской губерніи мнимо-духовныхъ лицъ, поставленныхъ имъ во священники, съ выдачею ставленныхъ грамотъ. Изъ какого именно званія происходятъ эти лица, Геннадій отозвался незнаніемъ, объяснивъ только, что нѣкоторые изъ нихъ въ означенныхъ мѣстахъ проживаютъ въ своихъ собственныхъ домахъ». При этомъ Фелькнеръ приводитъ именной списокъ, указанныхъ Геннадіемъ лицъ.

Далѣе, по словамъ Фелькнера, Геннадій высказалъ на допросѣ, что въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ въ Екатеринбургѣ проездомъ въ Сибирь епископъ Панфутій, отправлявшійся для учрежденія сибирской раскольнической іерархіи ¹⁾. По указанію Геннадія, Панфутій выбылъ изъ Екатеринбурга, но куда именно—неиз-

¹⁾ Свиданія Геннадія съ Панфутіемъ происходили на заводѣ купца Ушакова и въ домѣ купчихи Анны Влохиной, близъ Екатеринбурга.

вѣстно. Лже-епископъ Пафнутій, судя по рассказамъ Геннадія, имѣеть около пятидесяти лѣтъ отъ роду и большую, окладистую бороду съ просѣдью. Въ заключеніе, Фелькнеръ настаиваетъ на необходимости немедленно же принять мѣры къ розыску и поимкѣ какъ Панфутія, такъ и другихъ лицъ, указанныхъ Геннадіемъ.

Съ своей стороны губернаторъ также не щадилъ никакихъ усилій для того, чтобы дознать, изъ кого именно состоитъ и кѣмъ управляется эта неуловимая, прочно установившаяся организація, извѣстная подъ именемъ старообрядческой іерархіи. Его усилія въ этомъ направленіи не остались безъ результатовъ и вскорѣ ему удалось открыть имена лицъ, занимавшихъ высшія ступени старообрядческой іерархіи. Жандармскій полковникъ Комаровъ, на запросъ губернатора по этому поводу, доставилъ ему слѣдующій списокъ старообрядческихъ епископовъ.

- 1) Архіепископъ владимірскій и всея Россіи Антоній.
 - 2) Епископъ Ануфрій—предсѣдатель духовнаго совѣта въ Москвѣ.
 - 3) » симбирскій—Софроній.
- (Всѣ трое поставлены митрополитомъ Кирилломъ).
- 4) Епископъ саратовскій—Аѳанасій.
 - 5) » казанскій—Пафнутій.
 - 6) » кавказскій—Іовъ.
 - 7) Епископъ Варлаамъ, безъ епархіи.
 - 8) » воломенскій—Пафнутій (запрещенный).
 - 9) » Израиль
 - 10) » Константинъ
 - 11) » уральскій—Виталій.
 - 12) » пермскій—Геннадій.
- } оба безъ епархіи.

Въ свою очередь Фелькнеръ доставилъ губернатору подробный списокъ всѣхъ тѣхъ «мнимо-духовныхъ» лицъ (помимо епископовъ), о которыхъ упоминалось въ показаніяхъ Геннадія.

Вотъ этототъ списокъ:

«Лже-иноки» и «лже-іеромонахи»:

Ананій (пойманъ и содержится въ г. Сарapulѣ), Аввакумъ, Константинъ, Іона, Паисій, Іовъ и Савватій.

«Лже-попы»: Зиновій, Аристархъ и Іоаннъ—всѣ трое сарapulскіе, Евсигней—екатеринбургскій, Сафоній—сылвинскій, Иларіонъ, Іоаннъ и Александръ—оханскіе, Іоаннъ и Макарій—ялуторовскіе, Ксенофонтъ—Катавскаго завода (пойманъ въ Екатеринбургѣ вмѣстѣ съ Геннадіемъ), Алексѣй—Златоустовскаго округа, Александръ—шадринскій, Семень и Филиппъ—сибирскіе.

«Лже-іеродіаконы»: Коментарій (пойманъ въ Екатеринбургѣ), Корнилій и Максимъ.

И, наконецъ, «лже-діаконъ» Романъ, «лже-иподіаконъ» Василій (пойманъ въ Екатеринбургѣ вмѣстѣ съ Геннадіемъ) и «священнописецъ» Германъ—Златоустовскаго завода.

Препровождая эти списки губернатору, Фелькнеръ снова повторяетъ просьбу о розыскѣ и поимкѣ какъ Пафнутія, такъ и всѣхъ другихъ «мнимо-духовныхъ» лицъ, значущихся въ спискахъ. Характерна резолюція, положенная Лопкаревымъ на бумагѣ Фелькнера: «сообщить секретно полиціи, чтобы непременно были пойманы». Коротко и внушительно!

И вотъ снова летятъ секретныя предписанія «ко всѣмъ гражданскимъ и земскимъ полиціямъ Пермской губерніи» о розыскѣ и поимкѣ лже-поповъ, лже-монаховъ, лже-епископовъ. Въ то же время сообщается генераль-губернатору Западной Сибири, о розыскѣ лже-епископа Пафнутія. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, губернаторъ доноситъ о нихъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Не трудно себѣ представить тѣ ближайшія послѣдствія, какія должны были вызвать эти энергическія распоряженія и предписанія. Исправники и становые, имѣя передъ собою столь категорическое требованіе начальства о непремѣнной поимкѣ «мнимо-духовныхъ» лицъ, не гнушались никакими способами, никакими средствами, чтобы выслѣдить и захватить этихъ лицъ. Обыски, аресты, облавы и т. п. «мѣры» практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Но всѣ эти мѣры вели лишь къ тому, что населеніе губерніи, состоящее почти на половину изъ старообрядцевъ разныхъ толковъ, еще болѣе замкнулось въ себѣ, еще болѣе стало таиться отъ власти, еще крѣпче стало беречь и хоронить своихъ поповъ и монаховъ. Въ концѣ концовъ исправники, не смотря на все свое рвеніе выполнить волю начальства, потерпѣли полное фіаско и принуждены были рапортовать, что «несмотря на всевозможныя мѣры, принятыя ими къ поимкѣ мнимо-духовныхъ лицъ, таковыхъ во ввѣренныхъ имъ уѣздахъ не оказалось».

Счастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи былъ оханскій исправникъ. Въ уѣздѣ его по списку значилось трое лже-священниковъ: Александръ, Іоаннъ и Илларионъ. Исправнику удалось «дознать, что священникъ Александръ есть не кто другой, какъ временно-обязанный крестьянинъ графини Строгановой, Александръ Михайловъ Путинъ, священникъ Іоаннъ — государственный крестьянинъ деревни Стариковой, Иванъ Ивановъ Чечкинъ, и, наконецъ, священникъ Илларионъ не кто другой, какъ временно-обязанный крестьянинъ деревни Пьянковой — Илларионъ Семеновъ Пьянковъ».

Далѣе исправникъ «дозналъ», что Путинъ, Чечкинъ и Пьянковъ дѣйствительно выдаютъ себя за священниковъ, что они вѣнчаютъ браки, отправляютъ разныя требы и т. п. «Узнавъ объ этомъ — пишетъ исправникъ, я немедленно же отправился въ деревню Старикову и произвелъ обыскъ въ домѣ крестьянина Чечкина». При этомъ обыскѣ найдено подъ поломъ множество обра-

зовъ и книгъ религіознаго содержанія. Все это было отобрано, описано и отправлено въ Пермь къ губернатору.

Просматривая описи отобранныхъ при обыскѣ вещей, вы встрѣчаете тамъ: лестовки, поясъ изъ бѣлой парчи съ шелковыми завязками изъ красныхъ лентъ, кресты, двѣ тетради, писанныя полууставомъ, изъ которыхъ одна начинается словами: «Прекрасная мати пустыня», на 9 листахъ, а другая безъ начала и конца, на 17 листахъ, печатныя книги въ кожаныхъ доскахъ; одна изъ такихъ книгъ называется «Символомъ». Но особенно много было найдено и отобрано деревянныхъ иконъ и мѣдныхъ складней.

Чечкинъ былъ немедленно арестованъ. Затѣмъ становымъ приставамъ было предписано исправникомъ произвести обыски у остальныхъ заподозрѣнныхъ лицъ, т. е. у Путина и Пьянкова, и также арестовать ихъ. Когда все это было исполнено, исправникъ вошелъ къ губернатору съ вопросомъ, что ему дѣлать съ арестованными «лже-попами» и не отправить ли ихъ въ Пермь?

Но такъ какъ и самъ губернаторъ не зналъ хорошенько, какое именно направленіе приметъ возбужденное дѣло, то и не могъ разрѣшить недоумѣнія исправника. Послѣднему было дано знать только, чтобъ онъ «учредилъ строжайшій надзоръ за арестованными лже-попами и оставилъ бы ихъ въ Оханскѣ впредь до особаго распоряженія».

V.

Неудавшаяся попытка.

Вѣсть объ арестѣ Геннадія быстро разнеслась по Екатеринбургъ и его окрестностямъ. Больше всего этому способствовали старообрядцы, присутствовавшіе при богослуженіи въ домѣ Чувакова въ день ареста лже-епископа (6-го декабря). Всего на этомъ богослуженіи присутствовало семьдесятъ человѣкъ; всѣ они были опрошены полицеймейстеромъ Пестеревымъ и затѣмъ отпущены по домамъ.

Въ числѣ этихъ лицъ находился между прочимъ крестьянинъ деревни Пепляковъ, Урминской волости, Владиміръ Кондратьевъ Перинъ, горячій приверженецъ Геннадія. Не задолго до происшествія 6-го декабря, Перинъ прибылъ въ Екатеринбургъ съ тѣмъ, чтобы принять священство отъ Геннадія, но внезапный арестъ лже-епископа помѣшалъ этому.

Есть много основаній полагать, что Геннадій пользовался большимъ уваженіемъ среди мѣстнаго старообрядческаго населенія; понятно, поэтому, что арестъ его не могъ не произвести между ними сильнаго впечатлѣнія. Послѣдователи Геннадія рѣшили хлопотать объ его освобожденіи, думая для этого пустить въ ходъ подкупъ.

Предполагалось, въ случаѣ успѣха, переправить Геннадія за границу. Съ этою цѣлью Перинъ добился свиданія съ арестованнымъ епископомъ, который содержался въ это время при екатеринбургскомъ полицейскомъ управленіи, куда онъ былъ препровожденъ тотчасъ же послѣ ареста. Какимъ образомъ устроилось это свиданіе, изъ дѣлъ не видно; но, судя по многимъ даннымъ, можно заключить, что Геннадія содержали въ Екатеринбургѣ совсѣмъ не подъ такимъ «строжайшимъ карауломъ», о какомъ писалъ губернаторъ Лошкаревъ.

При свиданіи, Геннадій просилъ Перина отправиться въ Москву вмѣстѣ съ другимъ старообрядцемъ, екатеринбургскимъ мѣщаниномъ, фамилія котораго не была обнаружена слѣдствіемъ. Въ Москвѣ Перинъ и его товарищъ прежде всего должны были подать прошеніе «тамошнему лже-патріарху и архіепископу Антонію» съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Затѣмъ, на ихъ обязанность было возложено «сдѣлать гласнымъ арестъ Геннадія среди общества московскихъ купцовъ-старообрядцевъ», со стороны которыхъ ожидалось активное и вѣское содѣйствіе въ дѣлѣ освобожденія Геннадія изъ-подъ стражи.

Прошеніе на имя архіепископа Антонія было написано одною «екатеринбургскою купеческою дѣвицею», фамилія которой также не была открыта. Получивъ прошеніе и всѣ нужныя наставленія, Перинъ, въ сопровожденіи товарища своего, екатеринбургскаго мѣщанина-старообрядца, двинулся въ путь, но прежде заѣхалъ къ себѣ домой въ свою деревню, чтобы «выправить паспортъ».

Здѣсь сотоварищъ его «за старостію и болѣзнію» отказался ѣхать въ Москву и просилъ Перина, чтобы онъ одинъ отправился къ Антонію, причемъ передалъ ему деньги на расходы, а самъ вернулся обратно въ Екатеринбургъ. Тогда Перинъ пригласилъ ѣхать съ собою въ Москву брата своего, Тита Кондратьева Перина.

Братья пришли въ волость и заявили о выдачѣ имъ паспортовъ на отлучку.

— Зачѣмъ вамъ паспорта? Куда вы ѣдете?—спрашивали ихъ въ волости.

— Ёдемъ въ Пермь хлопотать о переселеніи въ Томскую губернію,—отвѣчали Перины.

Получивъ паспорта, Перины 17-го декабря выѣхали изъ дому по направленію къ Перми, рассчитывая тамъ взять билетъ конторы вольныхъ почтъ. Но едва они успѣли сдѣлать нѣсколько станцій, какъ вслѣдъ за ними отправляется погоня: оказалось, что замыслы ихъ были открыты полиціей.

Периныхъ выдалъ мастеровой Тисовскаго завода, Красноуфимскаго уѣзда, Николай Ивановъ Васильевъ, который находился въ это время въ Урмахъ, занимаясь шитьемъ платья. Васильевъ хо-

дигъ изъ дома въ домъ, «обшивая крестьянъ». Въ то время, какъ Владиміръ Перинъ пріѣхалъ изъ Екатеринбургъ, Васильевъ былъ у нихъ въ домѣ; такимъ образомъ ему пришлось присутствовать при сборахъ братьевъ въ Москву съ цѣлью освободить Геннадія и слышать тѣ разговоры, какіе велись по этому поводу.

Слѣдуетъ замѣтить, что Урминская волость считается однимъ изъ главныхъ центровъ раскола въ Пермской губерніи; почти все населеніе этой волости сплошь состоитъ изъ раскольниковъ. Этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что Перинъ, явившись туда, совсѣмъ, повидимому не считалъ нужнымъ (за исключеніемъ волости) скрывать о цѣли своего путешествія.

Разговоры о необходимости освободить Геннадія велись открыто, безъ всякихъ конспиративныхъ приемовъ и уловокъ. Васильевъ дѣлалъ видъ, что вполне раздѣляетъ взгляды Периныхъ и сочувствуетъ ихъ замыслу; мало этого, онъ даже оказывалъ имъ услуги въ ихъ приготовленіяхъ. Такъ, когда Перинъ вложилъ въ пакетъ прошеніе на имя Антонія, то Васильевъ написалъ адресъ на этомъ пакетѣ и запечаталъ его.

Проводивъ Периныхъ въ путь, Васильевъ ѣдетъ въ Кунгуръ и доноситъ обо всемъ исправнику. Исправникъ, помятуя губернаторскія предписанія о необыкновенной важности дѣла Геннадія, тотчасъ же садится въ сани и несется преслѣдовать Периныхъ. Онъ гонится за ними вплоть до Каяновской станціи, но не могъ нагнать и принужденъ былъ вернуться обратно.

Вслѣдъ за этимъ исправникъ шлетъ губернатору рапортъ, въ которомъ подробно излагаетъ все, что удалось ему узнать отъ Васильева относительно замысла братьевъ Периныхъ. Далѣе, онъ сообщаетъ нумера, за которыми выданы Перинымъ паспорта и описываетъ ихъ наружность или примѣты. По описанію исправника, Владиміръ Перинъ имѣетъ 31 годъ отъ роду, ростомъ 2 арш. 2⁷/₈ вершк., «волосы и брови нѣсколько темнорусые, глаза сѣрые, носъ и ротъ обыкновенные, подбородокъ круглый, лицо чистое, знаетъ грамоту, женатъ своднымъ бракомъ, особыхъ примѣтъ не имѣетъ».

Вѣроятно, братья Перины были очень схожи между собою по внѣшности, такъ какъ примѣты другаго брата, Тита, по описанію исправника, совершенно совпадаютъ съ примѣтами Владиміра: тѣ же сѣрые глаза, то же «чистое лицо», «круглый подбородокъ», волосы и брови «нѣсколько темнорусые», «носъ и ротъ обыкновенные» и т. д. Подобное шаблонное описаніе едва ли могло скольконибудь облегчить поиски полиціи. Гораздо существеннѣе въ этомъ отношеніи было указаніе на № билета, взятаго Перинами изъ кунгурской конторы вольныхъ почтъ.

Въ рапортѣ своемъ исправникъ напоминаетъ что Геннадій есть не кто иной, какъ арестантъ Илларионъ Старцевъ, бѣжавшій въ

1859 году при пересылкѣ его отъ исправника Юговскихъ заводовъ къ приставу 3-го стана Кунгурскаго уѣзда. Подмѣненный крестьяниномъ Курдюковымъ, Илларионъ Старцевъ (Геннадій тожъ) скрылся тогда неизвѣстно куда; Курдюковъ же послѣ этого долгое время содержался въ кунгурскомъ тюремномъ замкѣ. Въ то же самое время и въ томъ же самомъ острогѣ содержался и мастеровой Васильевъ. За что именно и по какому дѣлу содержался въ тюрьмѣ Васильевъ, изъ рапорта исправника не видно; извѣстно только, что «не за вѣру».

Изъ дѣлъ, бывшихъ въ нашемъ разсмотрѣніи, не видно, что именно было предпринято по поводу рапорта кунгурскаго исправника, а также не видно, были ли пойманы Перины или же они благополучно достигли Москвы. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, слѣдуетъ предполагать, что имъ удалось избѣжать преслѣдованій, но были ли они въ Москвѣ и если были, то что именно удалось имъ сдѣлать въ пользу задуманной цѣли, намъ не извѣстно. Какъ бы-то ни было, но очевидно, что попытка ихъ добиться освобожденія Геннадія при помощи московскаго общества старообрядцевъ потерпѣла полное фiasco.

Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла о Геннадіи, мы еще разъ встрѣчаемся съ именемъ Владиміра Перина. Оказывается, что, потерявъ надежду на помощь со стороны московскаго общества старообрядцевъ, онъ рѣшился обратиться съ ходатайствомъ объ освобожденіи Геннадія къ высшей власти.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, статсъ-секретарь у принятія прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, препроводилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшее прошеніе проживающихъ въ Екатеринбургѣ крестьянъ Николая Журавлева и Владиміра Перина объ освобожденіи изъ - подъ стражи раскольническаго епископа Геннадія, священника Вяхирева и иподіакона Кулькова.

Въ свою очередь министръ внутреннихъ дѣлъ съ предложеніемъ отъ 15-го мая обратился къ пермскому губернатору и поручилъ ему объявить просителямъ, что такъ какъ «дѣло о лже-епископѣ Геннадіи, Вяхиревѣ и Кульковѣ находится въ производствѣ въ судебномъ мѣстѣ, то дальнѣйшее разрѣшеніе ихъ участи будетъ зависѣть отъ этого мѣста...»

VI.

Подъ стражею.

Мы уже упоминали, съ какимъ безпокойствомъ и тревогою слѣдилъ пермскій губернаторъ за производствомъ слѣдствія по дѣлу о Геннадіи. Ему все казалось, что мѣстныя власти недоста-

точно строго относятся къ Геннадію, недостаточно зорко слѣдятъ за нимъ, что онѣ не могутъ проникнуться сознаниемъ огромной «государственной важности» этого дѣла. Его пугаетъ и страшитъ мысль о томъ, что Геннадій того гляди уйдетъ изъ-подъ ареста. И вотъ онъ шлетъ въ Екатеринбургъ телеграмму за телеграммой о болѣе строгомъ караулѣ и надзорѣ за лже-епископомъ.

Вскорѣ обнаружилось, что безпокойство губернатора имѣло свои основанія. 5-го января 1863 года, въ Перми получилась на имя губернатора бумага министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева, такого содержанія: «Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ получены свѣдѣнія, что задержанный въ г. Екатеринбургѣ лже-епископъ Геннадій содержится подъ присмотромъ въ полицейскомъ домѣ, гдѣ свободно навѣщаютъ его раскольники и особенно жены ихъ, между которыми есть много весьма богатыхъ. Они относятся къ нему съ уваженіемъ и, какъ слышно, стараются освободить его изъ-подъ ареста, для чего и собрали довольно значительную сумму денегъ».

Далѣе въ бумагѣ высказывалось, что «отобранное у Геннадія письмо показываетъ, что и въ Москвѣ заботятся объ освобожденіи его для отправления въ болѣе безопасное мѣсто—за границу. Въ числѣ бумагъ отобранныхъ у Геннадія, есть также письмо къ нему изъ Москвы отъ собора лже-епископовъ. Такъ какъ Геннадій уже два раза былъ ловимъ, но каждый разъ находилъ случай уйти, то содержаніе его при полиціи не безопасно».

Въ виду этого, министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ губернатору «принять мѣры къ устраненію изложенныхъ опасеній, сдѣлавъ распоряженіе о переводѣ лже-епископа Геннадія въ болѣе надежное мѣсто и о строжайшемъ тамъ за нимъ надзорѣ, съ прекращеніемъ ему возможности входить въ сношенія съ раскольниками».

Въ концѣ этой бумаги министромъ, статсъ-секретаремъ Валуевымъ, сдѣлана собственноручная приписка такого рода: «объ исполненіи же меня увѣдомить съ присовокупленіемъ, когда присутствіе Геннадія на мѣстѣ будетъ не нужно для производящагося изслѣдованія».

Получивъ эту бумагу, губернаторъ кладетъ на ней резолюцію: «сейчасъ же спросить по телеграфу полицеймейстера, передано ли дѣло въ уѣздный судъ, и ежели Геннадій не нуженъ, то чтобы ускорить доставленіемъ его въ Пермь».

Спустя нѣсколько дней, полицеймейстеръ Пестеревъ доноситъ губернатору телеграммой, что «дѣло Геннадія 21-го января будетъ передано главному начальнику горныхъ заводовъ, а 23-го въ судъ».

Тогда губернаторъ сгѣшитъ дать наставленіе суду: «По важности обстоятельствъ, заключающихся въ слѣдственномъ дѣлѣ о пойманномъ въ Екатеринбургѣ лже-епископѣ Геннадіѣ, — пишетъ г. Лопкаревъ, — предлагаю уѣздному суду:

«1) безотлагательно приступить къ разсмотрѣнію сего дѣла и
«2) тотчасъ по минованіи надобности въ личности Геннадія
увѣдомить о семъ екатеринбургскаго полицеймейстера, для отпра-
вленія его, Геннадія, согласно особому распоряженію».

Одновременно съ этимъ, губернаторъ пишетъ полицеймейстеру
Пестереву, чтобъ онъ «немедленно по окончаніи дѣла лично самъ
привезъ Геннадія въ Пермь подь строгимъ карауломъ». Не успѣвъ,
вѣроятно, Пестеревъ получить эту бумагу, какъ телеграфъ прино-
ситъ ему новое подтвержденіе губернатора: «телеграфируйте: скоро
ли окончится дѣло о Геннадіи и онъ будетъ доставленъ въ Пермь?»

Наконецъ, 27-го января, полицеймейстеръ Пестеревъ, «подъ
прикрытіемъ одиннадцати человекъ конвойныхъ, благополучно при-
везъ лже-епископа въ Пермь» ¹⁾. На рапортѣ, который по этому
поводу былъ представленъ полицеймейстеромъ губернатору, послѣд-
ній положилъ резолюцію: «заключить въ тюремный замокъ и до-
нести г. министру внутреннихъ дѣлъ, присовокупивъ, что дѣло
передано въ екатеринбургскій уѣздный судъ и что онъ (Геннадій)
здѣсь болѣе не нуженъ».

Въ тотъ же день, пермскій полицеймейстеръ рапортовалъ гу-
бернатору, что лже-епископъ Геннадій принятъ имъ и «заключенъ
въ мѣстный тюремный замокъ подь личный надзоръ тюремнаго
смотрителя». При этомъ Геннадій былъ снова обысканъ; деньги и
разныя «одежныя вещи», которыя оказались при немъ, были ото-
браны и переданы на храненіе тюремному смотрителю. Но кромѣ
этого при Геннадіи были найдены: черная мантия, скуфья, книга
подъ заглавіемъ «Богослуженіе русской церкви до монгольскаго
времени», тетрадка и рукопись, содержащая біографію лже-епи-
скопа Геннадія. Все это также было отобрано отъ Геннадія, при
чемъ мантия и скуфья переданы были екатеринбургскому поли-
цеймейстеру «для приобщенія къ дѣлу», рукописи же и книга
препровождены къ архіерею. При этомъ губернаторъ спрашивалъ
преосвященнаго: могутъ ли быть возвращены Геннадію найден-
ныя у него рукописи и книга, или же они должны быть подвер-
гнуты разсмотрѣнію въ установленномъ порядкѣ.

Получивъ этотъ запросъ, архіепископъ пермскій Неофитъ пе-
редалъ книгу и рукописи Геннадія на разсмотрѣніе духовной кон-
систоріи, которая, по обсужденіи возбужденнаго вопроса, пришла
къ слѣдующему заключенію.

1. Книга «Богослуженіе русской церкви до монгольскаго вре-
мени» есть извѣстное сочиненіе Филарета, епископа рижскаго, из-
данное Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россій-
скихъ. Хотя во многихъ мѣстахъ этой книги на поляхъ написано:

¹⁾ На «доставку» Геннадія въ Пермь — полицеймейстеромъ Пестеревымъ
было израсходовано 198 руб. 81 коп. казенныхъ денегъ.

«зри», тѣмъ не менѣе эти мѣста никакъ не могутъ быть истолкованы въ пользу раскола.

2. Найденная при Геннадіи тетрадка, заключаетъ въ себѣ рассказъ обратившагося въ православіе старообрядца о времени пребывания его въ расколѣ. Ближайшее разсмотрѣніе этой тетрадки убѣдило духовную консисторію, что заключающійся въ ней рассказъ «есть описаніе приключеній и бродяжничества извѣстнаго арестанта Ведерникова». Тетрадка эта даетъ нѣкоторое понятіе о современномъ состояніи раскола.

3. Біографія лже-епископа Геннадія составляетъ особую записку, адресованную на высочайшее имя и заключающую въ себѣ описаніе происхожденія и бродяжничества Геннадія. Описывая свои дѣтскіе годы, Геннадій находитъ въ нихъ разные прообразы своего епископства: побѣгъ свой изъ арестантскихъ ротъ объясняетъ особымъ содѣйствіемъ ангела, который явился къ нему съ неба; при этомъ бывшіе на немъ «тридцати-фунтовыя кандалы» сами спали съ него. Почувствовавъ, что цѣпи спали, Геннадій оставилъ мѣсто работы и направился черезъ городъ въ лѣса и горы, при этомъ совершилось другое чудо: арестанты, которые работали вмѣстѣ съ нимъ, а также всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ въ то время, какъ онъ въ арестантскомъ костюмѣ проходилъ по городскимъ улицамъ, — «всѣ были аки слѣпы» и не замѣчали его бѣгства.

Побѣгъ же свой изъ Юго-Кнауфскаго завода Геннадій объясняетъ тѣмъ, что самъ заводскій исправникъ, при поимкѣ его въ означенномъ заводѣ, далъ ему совѣтъ скрыть званіе епископа и показать себя какимъ-нибудь обыкновеннымъ старцемъ. Геннадій такъ и сдѣлалъ; затѣмъ за тысячу рублей серебромъ онъ былъ отпущенъ и даже отправленъ на лошадахъ въ Екатеринбургъ.

Далѣе въ біографіи рассказывается о томъ, какъ Геннадій защищалъ законность австрійской іерархіи и «другія раскольническія мудрованія» предъ пресвященнымъ Митрофаномъ епископомъ екатеринбургскимъ. Вообще, по отзыву духовной консисторіи, вся біографія Геннадія «наполнена раскольническими лже-мудрованіями» и потому никакъ не можетъ быть выдана обратно Геннадію, а должна храниться при библіотекѣ мѣстной духовной семинаріи. Архіепископъ Неофитъ согласился съ отзывомъ духовной консисторіи.

Между тѣмъ, Геннадій, сидя въ тюрьмѣ и ничего не зная о судьбѣ отобранныхъ отъ него вещей, вошелъ съ прошеніемъ къ губернатору, ходатайствуя о возвращеніи ему «келейной мантии», которая особенно была необходима ему въ виду того, что безъ нея онъ — епископъ — принужденъ былъ облечься въ арестантскій халатъ. Привожу здѣсь, съ буквальной точностью, не измѣняя ничего, кромѣ знаковъ препинанія, прошеніе Геннадія написанное имъ по этому поводу.

«Его превосходительству
«Господину пермскому губернатору

«Нижайшее прошеніе.

«Я, нижеподписавшійся, прошу ваше пр—ство въ томъ, что поступилъ изъ Екатеринбургa на 27 число генваря текущаго года и привезенъ въ тюремный пермскій замокъ. При осмотрѣ вещей отобрана (отъ меня) келейная мантия, безъ которой я не могу оставаться, въ крайнемъ нахожусь неуважительномъ положеніи, также и стѣсненіи релігіозномъ, наспротивъ комитета, отъ іюня 26 издавнаго, какъ можете видѣть сами въ Сынѣ Отечества 1861 года декабря 1-го № 288. Но эта мантия по обсужденію прежде была отдана мнѣ въ руки, а нынѣ опять отобрали. И такъ, въ ожиданіи вашего превосходительства. Писалъ Божіею милостію смиренный Геннадій, епископъ пермскій древле-православныхъ христіанъ».

Это, какъ видите, довольно-таки безграмотное прошеніе написано самимъ Геннадіемъ на листѣ сѣрой бумаги крупнымъ, ученическимъ почеркомъ. По этому поводу намъ припоминается газетное извѣстіе, проскользнувшее какъ-то въ печати и рисовавшее Геннадія хорошо образованнымъ человѣкомъ, владѣющимъ, между прочимъ, греческимъ языкомъ. Если судить по приведенному нами прошенію, то извѣстіе это является болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Ссылка же Геннадія на № «Сына Отечества» указываетъ на его наивность и полное незнакомство съ порядками, существующими въ сферѣ официальныхъ дѣлъ и сношеній.

Прошеніе Геннадія не было уважено и вскорѣ ему было объявлено, что ходатайство его «оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ мантия приобщена ка дѣлу».

Вообще, заключеніе Геннадія въ пермскомъ тюремномъ замкѣ было обставлено самымъ строгимъ и тщательнымъ надзоромъ. Полицеймейстеръ обязанъ былъ каждую недѣлю подробно рапортовать губернатору обо всемъ, что такъ или иначе относилось до Геннадія. Приведу одинъ изъ этихъ рапортовъ:

«Въ теченіе истекшей недѣли,—пишетъ полицеймейстеръ—посѣтителей къ лже-епископу Геннадію не было, но въ тюрьму являлись разныя лица и приносили съ собою подаваніе для передачи Геннадію. Такъ, 9-го февраля, кучеръ отъ купца Купріяна Суслова принесъ два французскихъ хлѣба, пирогъ съ рыбою и блины; все это, по надлежащемъ осмотрѣ, передано было лже-епископу. Затѣмъ являлась съ подаваніемъ родственница купца Андрея Матвѣева, Наталія Мокѣева; но такъ какъ она требовала личнаго свиданія съ Геннадіемъ, то поэтому не была допущена».

VII.

Прошлое Геннадія.

Первыя свѣдѣнія о прошломъ Геннадія были сообщены пермскимъ архіепископомъ Неофитомъ. Какъ только сдѣлалось извѣстно объ арестѣ лже-епископа, Неофитъ сообщилъ губернатору слѣдующія данныя о прошлой жизни Геннадія.

Выдающій себя за епископа Геннадія есть не кто другой, какъ бѣглый крестьянинъ Лысвинскаго завода княгини Бутеро, по фамилии Григорій Васильевъ Бѣляевъ. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ скрылся изъ мѣста своего жительства и около двадцати лѣтъ находился въ безвѣстной отлучкѣ. На мѣстѣ родины, въ Лысвинскомъ заводѣ, у него осталось три брата: Сидоръ, Яковъ и Дмитрій Бѣляевы; семейство это состояло и состоитъ въ расколѣ; раскольникомъ былъ и Григорій. Въ дѣтствѣ онъ учился въ мѣстной школѣ и въ это время, несмотря на свою принадлежность къ расколу, постоянно ходилъ въ православную церковь. «Дѣлъ о немъ по расколу не возбуждалось; но за побѣгъ онъ былъ судимъ и наказанъ въ стѣнахъ полиціи плетью» (далѣе мы увидимъ, что этотъ послѣдній фактъ не вѣренъ).

Въ другой разъ, преосвященный Неофитъ сообщалъ, что Геннадій есть тотъ же самый человекъ, который въ 1859 году, подъ именемъ инока Иларіона Старцева, былъ пойманъ въ Юго-Кнауфскомъ заводѣ, но «снова отпущенъ заводскимъ исправникомъ Брусицынымъ и подмѣненъ другимъ бродягою-раскольникомъ Спиридономъ Курдюковымъ». Этотъ послѣдній, пишетъ Неофитъ, «конечно (?) за деньги согласился выдать себя за Геннадія въ той мысли, что и безъ того ему не миновать кунгурскаго острога».

Дѣло о Курдюковѣ рѣшено и, по указу пермской судебной палаты отъ 4-го мая 1862 года, Курдюковъ «подвергнутъ наказанію розгами шестидесятью ударами» и, кромѣ того, съ него взыскано 50 рублей серебромъ. Такому же точно наказанію были подвергнуты вмѣстѣ съ Курдюковымъ двое другихъ мастеровыхъ—Кудринъ и Умятниковъ: они также были признаны виновными въ устройствѣ побѣга Геннадія.

Что же касается мастераго, назвавшагося при поимкѣ инокомъ Иларіономъ Старцевымъ, то будучи подмѣненъ Курдюковымъ, онъ скрылся въ кунгурскихъ лѣсахъ, а затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, явился въ Екатеринбургъ, гдѣ «впослѣдствіи объявилъ себя епископомъ Геннадіемъ». Курдюковъ же, по освобожденіи изъ тюремнаго замка также отправился въ Екатеринбургъ, чтобы здѣсь принять отъ Геннадія рукоположеніе во священники.

Но здѣсь въ декабрѣ оба они были захвачены въ домѣ купца Чувакова.

Откуда узналъ преосвященный Неофитъ объ арестѣ Курдюкова, изъ его переписки не видно; по всей вѣроятности онъ ошибочно принялъ за Курдюкова священника Ксенофонта Вяхирева, арестованнаго вмѣстѣ съ Геннадіемъ.

Болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о прошломъ Геннадія сообщали екатеринбургскій полицеймейстеръ и, особенно, общее присутствіе екатеринбургскаго уѣздаго суда и мѣстнаго городского магистрата.

Отецъ Геннадія, крѣпостной человѣкъ княгини Бутеро, Василій Бѣляевъ, былъ женатъ на крестьянкѣ Дарьѣ Фроловой, они имѣли свой собственный домъ въ Лысвинскомъ заводѣ. По словамъ Геннадія, отецъ его давно уже умеръ; что же касается матери его, то онъ не знаетъ навѣрное, жива ли она. Изъ сосѣдей, которые жили около ихъ въ заводѣ, Геннадій помнитъ только крестьянъ Вахрушевыхъ, другихъ же никого не помнитъ. 18-ти лѣтъ онъ бросилъ домъ и удалился въ лѣса «для богомоленія». Въ расколѣ онъ не состоитъ, а считаетъ себя христіаниномъ древней православной церкви. Со времени бѣгства въ лѣса онъ ни разу не былъ въ домѣ своего отца.

Сначала Геннадій жилъ въ лѣсахъ около Кунгура, «въ раскольническомъ скитѣ», состоящемъ изъ нѣсколькихъ келій, населенныхъ старообрядцами, искавшими спасенія вдали отъ грѣховнаго міра. Настоятелемъ у нихъ былъ схимникъ Никита. Кто именно были эти люди, откуда и какого они званія, ему, Геннадію, неизвѣстно. Теперь этого скита уже не существуетъ и кельи разорены. Опасаясь поимки, жившіе въ скитѣ отшельники начали ходить съ мѣста на мѣсто. Во время этихъ переходовъ, старецъ Никита былъ пойманъ властями и заключенъ въ острогъ въ городѣ Осѣ; отсюда онъ былъ переведенъ въ кунгурскій тюремный замокъ, гдѣ и умеръ.

Послѣ этого, Геннадій оставилъ кунгурскіе лѣса и удалился въ Уральскѣ, а оттуда около 1853 года перебрался въ Саратовскую губернію. Здѣсь онъ розыскивалъ старообрядческаго епископа (австрійскаго рукоположенія) Аеанасія. Наконецъ, благодаря указаніямъ и наведенію мѣстныхъ жителей, ему удалось встрѣтиться съ Аеанасіемъ въ лѣсахъ Хвалынскаго уѣзда.

Съ этихъ поръ они начали путешествовать вмѣстѣ. Нѣкоторое время они имѣли пріютъ близъ города Хвалынска, въ домѣ купеческой дочери Анны Кузьминой, жившей «въ саду». Здѣсь Геннадій получилъ отъ епископа Аеанасія иноческое постриженіе и санъ іеродіакона.

Изъ Хвалынскаго уѣзда инокъ Геннадій снова отправился въ путешествіе съ проповѣдью о старой вѣрѣ. На этотъ разъ онъ ударился на востокъ и бродилъ по степямъ и горамъ Оренбургской

губерніи. Здѣсь онъ встрѣтился и вскорѣ близко сошелся съ двумя старообрядческими монахами—Серафимомъ и Аарономъ. Они начали было путешествовать всѣ вмѣстѣ, но вскорѣ, а именно въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, были задержаны въ Белебеевскомъ округѣ исправникомъ Усене-Ивановскаго завода. Они были арестованы и затѣмъ, по допросѣ, отправлены въ мѣста приписки: Ааронъ—въ Екатеринбургъ, Геннадій—въ Пермь, а Серафимъ, какъ мѣстный уроженецъ, оставленъ въ Белебѣѣ.

Началось дѣло, во время котораго Геннадій содержался въ пермскомъ тюремномъ замкѣ; но случилось такъ, что слѣдователь не обратилъ вниманія на заявленіе Геннадія о томъ, что онъ носитъ санъ іеродіакона. По рѣшенію «судебнаго мѣста», Геннадій былъ переведенъ въ арестантскія роты, причемъ онъ долженъ былъ подвергнуться наказанію плетьюми; но, вслѣдствіе высочайшаго манифеста, приговоръ суда относительно наказанія Геннадія плетьюми не былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ арестантскихъ ротахъ Геннадій пробылъ до 14-го сентября 1855 года. Въ этотъ день вечеромъ, Геннадій, находясь вмѣстѣ съ другими арестантами на городской работѣ, бѣжалъ и скрылся въ кунгурскихъ лѣсахъ. Здѣсь онъ прожилъ зиму, а лѣтомъ онъ снова ушелъ въ Хвалынскій уѣздъ, къ лже-епископу Аѳанасію, который съ радостію и восторгомъ привѣтствовалъ своего стараго друга, такъ много пострадавшаго за «правую вѣру».

Съ этихъ поръ начинается быстрое возвышеніе Геннадія, какъ человѣка уже испытаннаго. 29-го октября 1856 года, онъ былъ поставленъ епископомъ Аѳанасіемъ въ пресвитеры, а 21-го ноября того же года въ архимандриты. Обрядъ поставленія происходилъ, по словамъ Геннадія, въ домѣ той же купеческой дочери Анны Кузьминой, у которой они жили нѣсколько лѣтъ назадъ.

Но этимъ не ограничились «повышенія», выпавшія на долю Геннадія за его испытанную стойкость въ дѣлѣ исповѣдыванія и распространенія старей вѣры: епископъ Аѳанасій отправилъ своего друга въ Москву къ Антонію архіепископу владимірскому и всея Россіи, какъ человѣка достойнаго воспринять санъ епископа. Геннадій выѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ священникомъ Пафнутіемъ.

Нужно думать, что Геннадій и Пафнутій, явившись въ Москву, произвели вполнѣ благопріятное впечатлѣніе какъ на архіепископа Антонія, такъ и на духовный старообрядческой совѣтъ. Оба они были признаны достойными епископскаго сана, причемъ рѣшено было, что обрядъ посвященія будетъ совершенъ въ знаменитыхъ Гуслицахъ.

Къ назначенному дню въ Гуслицы съѣхались члены духовнаго совѣта, архіепископъ Антоній и многіе другіе чины высшей старообрядческой іерархіи. 9-го января 1857 года, Геннадій былъ посвященъ въ епископы, а на другой день, 10-го января, тотъ же самый обрядъ совершенъ былъ надъ священникомъ Пафнутіемъ.

Посвященіе это совершено было съ необыкновенною торжественностью; кромѣ архіепископа Антонія, богослуженіе совершали епископы: кавказскій—Іовъ и зыбковскій—Кононъ ¹⁾. На Геннадія было возложено все архіерейское облаченіе: подрясникъ съ источниками, крестовый епитрахиль, поручи, поясъ съ источниками, набедренникъ, фелонь крестовая, омофоръ, панагія, наперсный крестъ, митра и наконецъ ему врученъ былъ жезлъ. Затѣмъ Геннадію была пожалована походная церковь, въ видѣ особаго рода палатки.

Вслѣдъ за поставленіемъ въ епископы, Геннадію вручена была ставленная грамота на Пермскую епархію, та самая, которая впоследствии была отобрана отъ него при арестѣ 6-го декабря. Назначеніемъ Геннадія въ Пермскую епархію, которая съ давнихъ поръ считается однимъ изъ главнѣйшихъ очаговъ раскола старообрядчества, духовный совѣтъ какъ бы воздалъ должное за всѣ заслуги, оказанныя этимъ лицомъ дѣлу старовѣрія.

Принявъ посвященіе и получивъ благословеніе Антонія, епископъ Геннадій отправился въ назначенную ему епархію; но онъ не избралъ себѣ постояннаго мѣста для своего жительства, а перѣзжалъ съ одного мѣста на другое, навѣщая также и сосѣднія съ Пермскою губерніи: Оренбургскую, Вятскую и Тобольскую. Городъ Екатеринбургъ былъ центральнымъ пунктомъ того района, который былъ отведенъ для дѣятельности Геннадія. Въ этомъ городѣ у него, по его собственному показанію, было 300 человѣкъ прихожанъ изъ числа мѣстныхъ старообрядцевъ.

За время своего управленія Пермскою епархіей Геннадій обнаружилъ необыкновенную дѣятельность на пользу старообрядчества. Безпрестанно разъѣзжая изъ конца въ конецъ по Пермской и сосѣднимъ съ нею губерніямъ, онъ всюду находилъ приверженцевъ «древняго благочестія», наставлялъ и укрѣплялъ ихъ въ вѣрѣ, отправлялъ богослуженіе, поставлялъ священниковъ и другихъ чиновъ іерархіи. По праву епископа Геннадій посвятилъ для своей епархіи, архимандрита Зиновія, четырехъ дьяконовъ и 23 священника.

Подобнаго рода дѣятельность не могла, разумѣется, избѣжать огласки. Полиція давно уже и энергически розыскивала «лже-епископа» Геннадія. Въ 1859 году, онъ былъ снова задержанъ въ Кнауфскомъ заводѣ въ домѣ мастера Осипа Носкова подъ именемъ инока Иллариона Старцева. Геннадій былъ арестованъ и посаженъ въ арестантскую, а затѣмъ отправленъ по этапу въ кунгурскую тюрьму. Но послѣдователи его не дремали и немедленно же явились къ нему на выручку. Дѣло кончилось тѣмъ, что вмѣсто инока Старцева (Геннадій тожь) въ кунгурскую тюрьму былъ доставленъ какой-то неизвѣстный никому раскольникъ Спиридонъ Курдюковъ.

¹⁾ Впоследствии епископъ Кононъ, по словамъ Геннадія, былъ арестованъ и умеръ въ тюрьмѣ.

Всѣ эти свѣдѣнія о прошломъ Геннадія полиція узнала изъ его собственныхъ показаній, которыя отличались необыкновенною искренностью и почти полною откровенностью. Какъ видно, Геннадій считалъ несогласнымъ съ достоинствомъ убѣжденнаго человѣка таиться въ своихъ завѣтныхъ взглядахъ и вѣрваніяхъ; въ то же время онъ не считалъ нужнымъ скрывать все, что было имъ сдѣлано на пользу дѣла, которому онъ служилъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него требовались указанія, касавшіяся другихъ лицъ, онъ становился сдержанъ, остороженъ и даже скрытенъ. Такъ, когда слѣдователи потребовали, чтобъ онъ указалъ, кто именно были тѣ лица, изъ которыхъ состоялъ его приходъ въ Екатеринбургѣ, то Геннадій категорически отказался исполнить это, заявивъ, что ни фамилій, ни именъ ихъ онъ не знаетъ.

VIII.

«Въ монастырь на увѣщаніе.»

Въ Петербургѣ, какъ мы уже отчасти и видѣли, серьезно взглянули на дѣло Геннадія. Не только въ средѣ свѣтскаго, но и духовнаго начальства обнаружилось замѣтное безпокойство, выразившееся между прочимъ въ необычайно обильномъ писаніи всякаго рода предписаній, циркуляровъ, отношеній, указовъ и предложеній по этому поводу.

Святѣйшій синодъ не разъ напоминалъ то пермскому, то оренбургскому преосвященнымъ объ огромной важности дѣла Геннадія, о необходимости строгихъ мѣръ, которыя бы устранили всякую возможность новаго побѣга со стороны лже-епископа, о доставленіи свѣдѣній, знакомящихъ съ ходомъ слѣдствія и суда по этому дѣлу и т. д.

Съ своей стороны министръ внутреннихъ дѣлъ также не разъ напоминалъ губернатору о «важности дѣла Геннадія» и неоднократно просилъ его наблюсти, чтобы слѣдствіе о лже-епископѣ «привело всѣ обстоятельства дѣла въ надлежащую полноту и ясность»; далѣе, онъ поручалъ г. Лошкареву наблюсти за тѣмъ, «чтобы дѣло это получило законное и соотвѣтственное разрѣшеніе...»

Общее присутствіе екатеринбургскаго уѣднаго суда и городского магистрата, обсуждая дѣло Геннадія, пришло къ слѣдующему заключенію: «Такъ какъ преступникъ Бѣляевъ (Геннадій тожъ) бѣжалъ изъ арестантской роты въ то время, когда находился на городской работѣ, подъ военномъ конвоемъ, и такимъ образомъ совершилъ преступленіе противъ военной дисциплины и затѣмъ въ теченіи побѣга впалъ въ другія нарушенія закона, то поэтому онъ, Бѣляевъ, на точномъ основаніи 38 п. 761 ст. XV т. 2 ч. и 1011 и

1074 ст. XIV т. Свода Законовъ, подлежитъ сужденію военнаго суда».

Губернаторъ въ принципѣ вполне соглашался съ заключеніемъ общаго присутствія относительно преданія Геннадія военному суду, но его останавливало одно соображеніе: у лже-епископа было найдено «письмо отъ духовнаго совѣта», существующаго якобы въ Москвѣ; въ этомъ письмѣ «духовный совѣтъ» приглашалъ Геннадія прибыть въ Москву «для отправления за границу въ безопасное мѣсто». Такимъ образомъ, кромѣ побѣга изъ арестантскихъ ротъ и другихъ преступленій, противъ Геннадія возникло новое обвиненіе—«въ соучастіи его съ обществомъ московскихъ лже-епископовъ, каковое дѣло еще не обслѣдовано». Въ силу этого соображенія губернаторъ рѣшилъ представить все дѣло на благоусмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Но прежде, чѣмъ рапортъ объ этомъ былъ полученъ въ Петербургѣ, судьба Геннадія была уже рѣшена: 8-го апрѣля (1863 года) изъ министерства внутреннихъ дѣлъ на имя пермскаго губернатора была отправлена бумага такого содержанія:

«Государь императоръ, по всеподданнѣйшемъ докладѣ его величеству представленія вашего превосходительства о томъ, что раскольнической епископъ Геннадій, по окончаніи о немъ слѣдствія, переведенъ изъ Екатеринбургъ въ Пермь и для дальнѣйшаго хода о немъ дѣла болѣе не нуженъ, въ 5-й день сего апрѣля высочайше повелѣтъ соизволилъ: удалить Геннадія изъ мѣста прежней его дѣятельности, помѣстивъ для увѣщанія въ суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь Владимірской епархіи, въ арестантскомъ отдѣленіи онаго».

Есть основаніе предполагать, что мысль о заключеніи Геннадія въ монастырь впервые явилась у министра внутреннихъ дѣлъ. Еще ранѣе высочайшаго повелѣнія 5-го апрѣля, г. Валуевъ входилъ въ сношеніе съ св. синодомъ по поводу «удаленія Геннадія въ Суздальскій монастырь». Синодъ, «раздѣляя мнѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ относительно удаленія лже-епископа Геннадія изъ мѣста бывшей его дѣятельности и содержанія его въ монастырѣ для испытанія надъ нимъ увѣщаній къ оставленію раскольническихъ заблужденій»,—высказался, что онъ съ своей стороны «не находитъ никакихъ препятствій къ помѣщенію Геннадія въ арестантскомъ отдѣленіи Суздальскаго монастыря». Поэтому, какъ только состоялось повелѣніе объ удаленіи Геннадія въ монастырь, синодъ тотчасъ же далъ предложеніе владимірскому преосвященному «о принятіи Геннадія въ упомянутый монастырь».

Между тѣмъ, пермскій губернаторъ, получивъ бумагу министра отъ 8-го апрѣля, недоумѣвалъ: слѣдуетъ ли выслать Геннадія тотчасъ же въ монастырь и не будетъ ли онъ нуженъ при полученіи отвѣта министра на сдѣланное имъ представленіе относительно пре-

данія Геннадія военному суду? Г. Лошкаревъ затруднился въ этомъ главнымъ образомъ потому, что въ то время, какъ состоялось распоряженіе о ссылкѣ Геннадія въ монастырь, министерству не было извѣстно, что «онъ есть бѣглый арестантъ». Затѣмъ,—думалъ губернаторъ,—въ случаѣ если бы послѣдовало распоряженіе судить Геннадія военнымъ судомъ, то какъ тогда быть безъ него? Вѣдь извѣстно, что военный судъ, на точномъ основаніи закона,—не можетъ никого судить заочно.

И вотъ губернаторъ Лошкаревъ шлетъ телеграмму на имя министра: «Прикажете ли отправить Геннадія тотчасъ, или ожидать разрѣшенія на представленіе за № 182».

Въ отвѣтъ на это получается телеграмма: «О лже-епископѣ Геннадіѣ ожидать разрѣшенія министерства.—Министръ Валуевъ».

Отсрочка эта была сдѣлана въ виду того, что статсъ-секретарь Валуевъ, по полученіи представленія пермскаго губернатора за № 182, счелъ необходимымъ снестись предварительно съ главнымъ начальникомъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи и оберъ-прокуроромъ св. синода. По полученіи отъ нихъ благопрїятныхъ отзывовъ, министр 18-го мая предписалъ пермскому губернатору «немедленно сдѣлать распоряженіе о приведеніи въ исполненіе высочайшаго повелѣнія относительно помѣщенія крестьянина Григорія Бѣлаева, выдающаго себя за епископа Геннадія, въ Суздальскій монастырь и затѣмъ дальнѣйшее производство о немъ прекратить».

Тогда г. Лошкаревъ слѣдуетъ сообщить владимірскому губернатору о высочайшемъ повелѣніи относительно «помѣщенія въ Суздальскій монастырь на увѣщаніе» раскольническаго епископа Геннадія и просить его сдѣлать распоряженіе объ отправленіи лже-епископа изъ Владиміра, куда онъ вскорѣ будетъ доставленъ въ Суздальскій монастырь.

Сначала предполагалось отправить Геннадія изъ Перми до Владиміра съ «двумя благонадежными жандармами», но затѣмъ рѣшено было поручить это дѣло жандармскому офицеру штабсъ-капитану Латухину.

26-го іюня 1863 года, изъ Перми выѣхала по казанскому тракту тройка почтовыхъ лошадей; въ тарантасѣ сидѣли жандармскій офицеръ и рядомъ съ нимъ не высокій, худощавый мужчина съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ и сѣрыми, глубоко впавшими глазами, въ которыхъ свѣтилась непреклонная, желѣзная воля. Это былъ Геннадій. /

Передъ отъѣздомъ изъ Перми Латухину были выданы деньги на путевыя издержки въ количествѣ 211 рублей 65 копѣекъ, открытый листъ и особая «инструкція». Въ «открытомъ листѣ» значилось: «Предъявителю сего, пермской жандармской команды штабсъ-капитану Латухину, сопровождающему арестанта Григорія

Бѣляева до г. Владиміра, обязаны гг. начальники воинскихъ командъ, расположенныхъ по этому тракту, немедленно отряжать благонадежный добавочный караулъ, который и оставлять во все время нахождения его на мѣстѣ». Этотъ «листъ» былъ подписанъ пермскимъ военнымъ губернаторомъ, генералъ-майоромъ Лопкаревымъ.

Приведемъ затѣмъ инструкцію, которою долженъ былъ руководствоваться штабсъ-капитанъ Латухинъ, конвоируя Геннадія.

«Назначая васъ для сопровожденія до г. Владиміра крестьянина Григорія Бѣляева, я предписываю вамъ теперь же принять его и немедленно отправиться съ нимъ въ г. Владиміръ наблюдая слѣдующее:

«1. Во время пути до г. Владиміра неотлучно находиться при арестантѣ, въ полномъ вооруженіи, не позволяя ему ни съ кѣмъ разговаривать.

«2. Вы должны имѣть осторожность, чтобъ арестантъ не нанесъ себѣ вреда и не бросился бы на имѣющееся у васъ оружіе.

«3. Квартиръ нигдѣ не нанимать, а требовать отъ мѣстныхъ начальниковъ и останавливаться для отдыха въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ есть воинскія команды, отъ коихъ просить, по прилагаемому при семъ открытому листу, караулъ, который оставлять во все время пребыванія вашего на мѣстѣ.

«4. По прибытіи въ г. Владиміръ, тотчасъ явиться къ тамошнему губернатору, представить прилагаемый конвертъ за № и просить его распоряженія о принятіи отъ васъ арестанта и выдачѣ квитанціи.

«5. Въ случаѣ значительной болѣзни арестанта, вы должны доѣхать до ближайшаго города, отдать его въ вѣдѣніе тамошняго начальства для излѣченія и доставленія, по выздоровленіи, за надлежащимъ присмотромъ въ г. Владиміръ къ тамошнему начальнику губерніи, взявъ въ сдачѣ квитанцію.

«6. Въ заключеніе сего предваряю васъ, что неустройство во время пути, а тѣмъ болѣе упускъ арестанта подвергнуть васъ строжайшей отвѣтственности по законамъ». Подписалъ пермскій военный губернаторъ Лопкаревъ.

1-го іюля, Геннадій былъ доставленъ во Владиміръ и сданъ губернатору, который тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ его въ Суздальскій монастырь. Штабсъ-капитанъ Латухинъ, получивъ квитанцію въ принятіи отъ него Геннадія, вернулся въ Пермь и представилъ квитанцію губернатору. А въ тюремныхъ кельяхъ Суздальскаго монастыря въ это самое время прибавилось однимъ новымъ «секретнымъ» арестантомъ... Но о пребываніи Геннадія въ монастырской тюрьмѣ мы расскажемъ когда нибудь потомъ. Теперь же намъ остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ лицъ, которыя были привлечены къ дѣлу о лже-епископѣ Геннадіи. Одинъ изъ этихъ лицъ, лже-священникъ Ксенофонтъ Вахиревъ,

умеръ во время заключенія въ екатеринбургскомъ тюремномъ замкѣ, не дождавшись рѣшенія своей участи.

Другой изъ заключенныхъ по этому дѣлу, «лже-иподіаконъ» Василій Кульковъ, сидя въ тюрьмѣ, заболѣлъ. Отецъ его, отставной мастеровой Миасскаго казеннаго завода Иванъ Кульковъ, обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ прошеніемъ объ освобожденіи изъ тюрьмы больного сына его, Василя, и объ отдачѣ его ему на попеченіе для поправленія здоровья». Министерство переслало это прошеніе пермскому губернатору для направленія дѣла по подсудности.

Послѣ того, какъ Геннадій былъ отправленъ въ монастырь, губернаторъ Лопшаревъ совершенно не зналъ, что ему предпринять относительно другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ; онъ рѣшилъ было окончить дѣло административнымъ порядкомъ, причемъ предполагалъ: «Кулькова, какъ уроженца Миасскаго завода Оренбургской губерніи, водворить въ его мѣстожителство, сообщивъ мѣстному епархіальному начальству о сдѣланіи ему увѣщанія», колыванскаго же купца Чувакова, допустившаго въ своемъ домѣ торжественное богослуженіе при большомъ стеченіи народа,—поручить надзору мѣстной полиціи, которой вмѣнить въ обязанность строго наблюдать за тѣмъ, чтобы «впредь никакихъ подобныхъ сборищъ въ домѣ Чувакова отнюдь не происходило». Не рѣшаясь, однако, привести эти мѣры въ исполненіе г. Лопшаревъ обратился въ Петербургъ съ вопросомъ: какъ ему поступить съ Кульковымъ и Чуваковымъ?

Министръ юстиціи отвѣчалъ на это, что «дѣйствія крестьянина Кулькова и купца Чувакова, на основаніи 585 ст. 2 кн. XV т. и § 13 Высочайше одобреннаго наставленія, должны подлежать разсмотрѣнію въ судебномъ порядкѣ, и потому дѣло о нихъ слѣдуетъ передать въ подлежащее судебное мѣсто, съ тѣмъ, чтобъ оно постановило опредѣленіе на законномъ основаніи только объ отвѣтственности двухъ этихъ лицъ, не касаясь оговоренныхъ лже-епископомъ Геннадіемъ 23 раскольническихъ священниковъ, такъ какъ сіе послѣднее обстоятельство, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, не подлежитъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ».

А. Пругавинъ.